

УДК 1(09)

Бондарева Я.В., Фурсова В.Э.*Московский государственный областной университет***ИДЕЯ СИНЕРГИИ КАК ОСНОВА АНТРОПОЛОГИИ ЦЕЛОСТНОСТИ**

Аннотация. Основной целью в процессе концептуального оформления антропологических идей в русской религиозной философии стало создание идеальной модели человека, представляющего собой душевно-телесную целостность. Немаловажное значение в формировании целостной личности приобретает синергийный процесс как объединение усилий божественного и человеческого начал. Русская философия, начиная со славянофилов и Вл. Соловьёва, осуществляла синтез концепции всеединства и православного энергетизма, где духовное и телесное начала становятся неразрывной «душетелесностью».

Ключевые слова: синергия, душа, тело, антропология целостности, синтез, всеединство.

Ya. Bondareva, V. Fursova*Moscow State Regional University***THE IDEA OF SYNERGY AS THE BASIS
FOR ANTHROPOLOGY OF INTEGRITY**

Abstract. The main purpose of the process of conceptual design of anthropological ideas in Russian religious philosophy was to create an ideal model of man which is a spiritual and physical integrity. Equally important in the formation of the whole person is a synergetic process of joining the efforts of the divine and human origins. Russian philosophy, starting with the Slavophiles and Vl. Solovyov, has strived for the synthesis of the concept of all-unity and Orthodox energetic state where the spiritual and corporal origins become an inextricable spiritual and physical integrity.

Key words: synergy, soul, body, anthropology of integrity, synthesis, all-unity.

Известно, что конечной перспективой человеческой истории в русской религиозной философии является (как, впрочем, и в христианском богословии) качественное преображение, фундаментальное изменение человеческой природы, называемое «обожением». Таковое изменение требует как наличия божественной воли, так и незаурядных усилий со стороны человека, и визуально представлено во фресках Сикстинской капеллы как динамический образ тянущихся на встречу друг другу рук Бога и Человека.

Ответное стремление со стороны человека возможно лишь в результате личного свободного выбора, личностного поступка, волевого действия, за которое человек готов нести ответственность. Суть таких взаимоотношений между Богом и Человеком, сотрудничество божественной благодати и человеческой

свободы выражается в идее *синергии* как объединении усилий божественного и человеческого начал.

При этом на долю человека выпадают усилия свободы воли к добру, творческая устремлённость, самоопределение человека в любви, направленность к соединению с божеством в познании. Та раздробленность, которая свойственна природному миру – небесное и земное, духовное и материальное, мужское и женское, – должна устраняться синергичным соединением воли в обратном порядке, формируя иерархию синтезов, берущую начало в целостности пола.

Русская религиозная антропология, изначально стремящаяся к обоснованию целостной, гармоничной личности, не оставила без внимания христианские синтезы, восстанавливающие расколотое творение в иерархической последовательности: от физиологии и познания – до онтологического соединения тварного и божественного. В связи с этим становится понятен курс отечественной философии, начиная со славянофилов и Вл. Соловьёва, на идею всеединства как попытку такого синтеза, где «всё в Боге» и «всё имманентно всему», а духовное и телесное начала становятся неразрывной «душетелесностью».

В религиозной философии, т. е. за пределами богословской традиции, идея синергии, как правило, не была терминологически выражена, сам термин «синергия» редко звучал в философских трактатах, но содержание этой идеи часто раскрывалось в таких понятиях и принципах, которые, так или иначе, отражали взаимодействие божественного и человеческого. «Всеединство», «богочеловечество»,

«соборность», «энергетизм», «андрогинизм», «свобода», «символический реализм», «творчество» – вот те категории и принципы, через которые в русской философии раскрывались разные стороны идеи синергии.

Так, у С.Л. Франка идея синергии раскрывается в контексте антропологии всеединства как основное свойство человеческой души. С его точки зрения, «целестремительная» энергия как субъективная, человеческая часть синергии, способна нейтрализовать душевный хаос и активизировать силу той «центральной инстанции» в человеке, которая осознаётся как сверхиндивидуальная авторитетность и мощьность – иными словами, сфера абсолютного, божественного. В свойственном ему стиле иерархического конструирования С.Л. Франк объяснял наличие в душевной жизни личности не только эмпирического уровня, но и высшего, духовного, сверхиндивидуального уровня, где происходит связь с абсолютной реальностью. Для С.Л. Франка является очевидным изначальное присутствие субъективной стороны синергии, её заложённость в человеке Богом (по аналогии с «врождёнными идеями» Декарта и трансцендентальными формами Канта). Это позволяет философу проанализировать конкретные проявления синергии, в первую очередь – творчество.

В своём анализе синергичной стороны творчества философ использовал понятия «выражение», «воплощение», означающие, что какое-то духовное начало облекается плотью, т. е. оформляется. Это «нечто» принадлежит сфере сверхчеловеческого духа и «оформляется» в положительный результат только в момент приложения

человеком определённого усилия, чтобы выразить его. Поэтому С.Л. Франк определял творчество как такую активность, «в которой собственное усилие художника, его собственное «делание» неразделимо слито с непроизвольным нарастанием в нём некоего «дара свыше» и только отвлечённо может быть отделено от него» [5, с. 361]. А так как в способности к творчеству философ видит некую потенциальность, заданность или «назревание», то и реализация этой потенциальности возможна только при условии сознательного участия человека и активизации его свободной воли.

В этих рассуждениях С.Л. Франка отчётливо просматривается динамическая сущность синергии. Понимая творчество как синергический акт, философ употребляет категории «соучастие», «слитность», «средство» человеческого и божественного начал. Но так как творчество предполагает двуединство человеческой личности, т. е. его свободу и самостоятельность, с одной стороны, и укоренённость в высшей духовной сфере – с другой, то в своём творчестве человек фактически становится соучастником божественного творчества. Между тем С.Л. Франк обостряет двусторонний динамический аспект творчества, возводит его в степень и раскрывает его метафизическую сущность: божество не только творит бытие, т. е. «создаёт творение», включая человека, и не только присутствует в духовной инстанции человека как высшее начало, но, кроме того, наделяет своей творческой силой и собственное творение – иными словами, «творит творцов» [5, с. 363]. Именно акт дарения Своему творению возможности соучастия в Своем соб-

ственном творчестве философ и называет «даром Божьим», частичным «делегированием» Богом человеку Своей собственной творческой силы.

Есть ещё одна важная черта, раскрывающая творчество как синергичный процесс, а именно присутствие в творчестве свободы воли. Это означает, что человек перестаёт выступать в качестве «раба Божьего», покорного исполнителя божественной воли, но предстаёт свободным соучастником божественного творчества. С.Л. Франк говорил о действии в человеке-творце некоей «силы», подчинённой божественному духу, которая, хотя и истекает от Бога и связана с Ним, но занимает промежуточное положение между человеческим духом и божественной инстанцией. Этот иерархизм созвучен одному из важнейших положений православного энергетизма о ступенях («модусах») приобщения мира к божественным энергиям, т. е. об иерархическом вовлечении мира в дело обожения.

Идея синергии, развитая С.Л. Франком, также рассматривалась в философии Н.О. Лосского, который использовал понятия «целестремительность», «творчество», «свобода воли» и «динамизм» для раскрытия антропологического аспекта синергии. Им также обосновывался смысл творчества как выражения некоей нормативной божественной идеи, присущей человеку, похожим образом анализировалось понятие целестремительности для обоснования личности как открытой системы, способной воспринимать бытие Бога, принимать жизнь других людей и всей природы.

Но наиболее оригинальным в трактовке синергичного процесса стал ак-

цент Н.О. Лосского на его аксиологическое значение. Именно способность воспринимать абсолютные ценности, т. е. ценности, несущие положительный заряд для всех (истина, красота, Бог, нравственное добро), стала для мыслителя центральной в определении «действительной личности», т. е. цельной личности, способной к качественному преобразению, приобщению к божественной жизни. Лишь осознание и принятие абсолютных ценностей вызывает в человеке, по мысли философа, стремление сделать их ориентиром в своём поведении.

А для С.Н. Булгакова наивысшей точкой в восприятии абсолютных ценностей оказалась способность личности к самоотречению как проявлению христоцентризма, в котором духовная и телесная жизнь существуют нераздельно, но и «неслиянно». Наиболее ярко в отечественной традиции эта способность демонстрируется феноменом юродства, в котором философ видел вершину самоотречения, императива «не любить в себе своего я, своей самости», духовный выход за пределы своей телесности. Это самоотречение ценно для Булгакова, так как есть не одноразовая акция, но требует жертвы «непрерывной и ежечасной». В синергичном акте самоотречения, через любовь человека к высшей Личности мыслитель усматривал возможность для каждого идентифицировать себя, осознать своё предназначение в жизни.

Важно подчеркнуть, что в своём видении синергизма Булгаков синтезировал софиологическую и православно-энергичную методологии. С одной стороны, духовное соединение с Богом опосредуется действием Софии

в мире, а с другой – это соединение осуществляется в результате действия божественной энергии. «Энергия Божья, – пишет С.Н. Булгаков, – действуя в человеке, соединяется с человеческой, воплощается в ней, и получается нераздельное и неслиянное соединение силы Божьей и действия человеческого» [2, с. 181]. В результате синергичного действия осуществлялось воплощение, телесное оформление божественного, раскрытие его для мира и в подвижничестве, и в творческом вдохновении.

О подвижничестве как телесном проявлении синергии много рассуждал и П.А. Флоренский, опираясь при этом на аскетико-мистическую литературу «энергичного» направления. Философ усматривал возможность духовного преобразования через «отделение от своей самости», «самоистощание», «выходение из себя» с целью самоутверждения в божестве, что определялось им как любовь к боже-ству, как частная идея о Нём, условное представление о безусловном. Вот что означала, с точки зрения Флоренского, «субъективная сторона синергии».

И, напротив, её объективная сторона, а именно «божественная часть», определялась философом как «безусловное представление об условном», как «идея» абсолюта о частной вещи, как его самоуничижительная любовь к своему творению; а та конкретная область, в которой должно осуществляться объединение взаимных устремлений Бога и человека – не что иное, как сердце, поэтично определённое философом как «очаг духовной жизни», через который «свет божественной любви» распространяется на всю личность, полностью проникая её.

Главный результат синергии, происходящей в сердце, о. Павел видел в преобразении, причём не только духовном, но и телесном.

Духовное преобразование приводит к изменению ума, преобразование телесное ведёт к «выхождению из естества», когда человек «не чувствует ни голода, ни жажды, ни других нужд естества», повторяет П.А. Флоренский слова Никиты Стифата. В свою очередь, преобразование душевно-телесной целостности влечёт за собой всецелое изменение природы вещей, к которым преобразённая личность относится в равной степени с любовью, усматривая в них божественное присутствие. Эта святоотеческая мысль оказалась близкой Флоренскому, усвоившему и развившему идею символизма в своём учении об энергийном символе.

Идея синергии оказалась тесно связанной с иконологией – теоретическим обоснованием иконописи и иконопочитания. Это проявилось во взглядах философа на реальность символа как божественного присутствия не только в молитвенной практике, но и в иконе как воплощении в красках «живого» образа Бога. В иконе не изображается, а является этот образ, при этом у иконописца, как подвижника, у самого должен быть опыт мистического приобщения к церкви, чтобы иконотворчество проявляло то, что было приобретено личным мистическом опытом. В религиозной символике русские философы – и П.А. Флоренский, и С.Н. Булгаков – видели проявление божественной энергии на онтологической почве божественного образа и подобия в человеке [2, с. 181]. А, как известно, именно в «образе и подобии» заключается сущность ико-

ны, которую создаёт человек, так как именно в нём соединяются два онтологических уровня, и божественная энергия проявляется только в том, кто уже содержит в себе это божественное начало.

Ценность творческого акта для иконописи обосновывается антропологией целостности¹ наличием самого феномена человека-творца, в котором как в субъекте (и уже потом в объекте – дереве, камне, звуке) – осуществляется откровение божества: «Здесь соединяются божественная энергия с творческим усилием человека, реализуемым в речи, в аскетическом подвиге или в написании иконы. В сущности, молитва и икона различны лишь по внешним признакам, по тому, в каком материале происходит воплощение этого соединения, ведь молитва есть не что иное, как словесная икона, а человек, носящий образ Божий, является «естественной», живой иконой. Человек отзывается на действие божественной энергии имятворчеством, иконотворчеством или же творчеством себя самого, но, в сущности, он реализует единую цель – синергию» [3, с. 210].

Идея синергии как основа «душе-телесности» в русской религиозной философии получила многоаспектное выражение, органично сочетая в себе метафизический, гносеологический, антропологический, историософский аспекты. Сегодня эта идея не только воспроизводится в историко-философском плане, но и получает творческое развитие в современных ан-

¹ *Антропология целостности* – это направление в отечественной религиозно-философской антропологии, изучающее возможности органичного соединения духовного, душевного, умственного и телесного начал в качественном преобразении человека.

тропологических подходах, в основе которых находится идея православного энергетизма.

Современные учёные предлагают новое видение синергийного процесса как «антропологического размыкания», основываясь на том факте, что человек смог сделать свою собственную энергию открытой для восприятия, для воздействия *Иного*, смог представить себя открытым *Иному*, разомкнуть свои онтологические горизонты в его энергийных измерениях [4]. Такое видение продиктовано необходимостью перехода от богословских трактовок к пониманию синергии в перспективе антропологии целостности, так как только в ней реализуется основная сущность синергии как создающего начала личности. Иными словами, «размыкание», переходя в иной онтологический статус, приводит человека к полноте самореализации. Именно это подразумевают понятия «собирательство» и «строительство» человека, и именно в этом заключается идея синергии как «неклассический принцип конституции человека». Поэтому тот вариант неклассической антропологии, который постепенно формируется в современной отечественной мысли, уже получил название «синергийной антропологии», которая, в свою очередь, имеет все перспективы стать основой нового базового подхода для всего комплекса гуманитарных наук.

Итак, независимо от способа выражения синергийного взаимодействия человека и Бога (в концепции всеединства, в идее соборности, богочеловечества и т. д.), отечественные мыслители как прошлого, так и настоящего, сходятся в определении содержательных

характеристик этого взаимодействия, называя среди них целестремительность, совместное действие, динамизм, творчество, активность, предполагающие не только нравственную ответственность человека, наличие творческого начала, но и его «душечелестность», антропологическую целостность. В идее синергии концепция православного энергетизма проявляется наиболее рельефно, несмотря на определённую стилизацию русскими мыслителями богословского представления о синергии как о соединении двух волей.

В целом в процессе концептуального оформления антропологических идей в русской религиозной философии формировалась идеальная модель человека, обладающего всеми совершенствами образа и подобия Бога. Понятие *образа* соответствует идее душевно-телесной целостности и свободы, понятие *подобия* – идее синергии. Именно в области антропологии русская философия обнаруживала большее соответствие христианско-православному мировоззрению, так как опиралась на традиционно-христианское видение личности Христа как основы в познании не только Бога, но и человека и всего мироздания.

В заключение следует отметить, что и антропологические идеи не избежали уже ставшей для отечественной философии традиционной коллизии между православным энергетизмом и всеединством, однако она не носила сущностного характера, но, напротив, открыла новые перспективы для обоснования современных антропологических подходов. «Русская религиозная мысль открыла в православной энергийной традиции источник фило-

софского вдохновения и значительно расширила круг вопросов, решаемых в духе и в категориях этого учения» [1, с. 37].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бузук Г.Л., Семаева И.И. Энергичное обоснование идеи единства мира в русской философии XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 1. С. 35–45.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. Париж: YMCA-Press, 1953. 278 с.
3. Семаева И.И. Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века. М.: Логос, 1991. 244 с.
4. Синергичная антропология в контексте русской религиозной философии [Электронный ресурс] // «Русская мысль»: Историко-методологический семинар в РХГА [сайт]. [2007]. URL: <https://lib.rus.ec/b/295002/read> (дата обращения: 20.01.2015).
5. Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 480 с.